

Нин Цзэ дважды не ночевал дома, а она даже не спросила, где он был. Неужели этот сын ей совсем не дорог?

Нин Цзэ глубоко вздохнул и отвел взгляд, скользнув им по стоявшему за спиной княгини Каннин Ся Чжаньци, который старательно делал вид, что он сама серьезность. Похоже, вчера княгиня провела с ним глубокую воспитательную работу, раз он перестал вести себя так вызывающе.

— Повторите всё, что вы говорили, еще раз.

Голос Сяхоу Юаня звучал низко и властно. Его лицо казалось спокойным, но в воздухе уже чувствовалось приближение бури.

Дело обстояло так.

Вчера Сяхоу Юань впервые ощутил радость отцовства. Это чувство не шло ни в какое сравнение с безжалостной суровостью поля боя, и его огрубевшее сердце, казалось, начало оттаивать. Поэтому с самого утра он приказал слугам собраться, желая вникнуть в жизнь своих сыновей.

Не стоит обманываться тем, что он не смотрел на Ся Чжаньци в упор. Оценивать людей он привык не глазами, и на самом деле он был куда проницательнее и спокойнее, чем ожидал Нин Цзэ.

Вчера, когда он вернулся в город, среди встречавших его домочадцев княгиня Каннин держалась холодно и высокомерно, а Ся Чжаньци даже не смел взглянуть на него, испугавшись вида закаленного в боях генерала. Лишь Лянь Юй была такой же кроткой, как и много лет назад, поэтому он взял ее с собой. Въехав в город, он увидел на крыше Нин Цзэ, грызущего лепешку, и сразу узнал в нем своего сына — уж больно они были похожи. Этот юноша показался ему весьма занятым: он не только не испугался, но и вел себя вызывающе.

Сяхоу Юань — военачальник, и своенравный сын, подобный дикому коню, не мог не вызвать у него интереса. Чем больше он наблюдал, тем больше убеждался, что у парня крутой нрав и немалая решимость. Взгляд, которым он пронзал обидчиков, был весьма убедителен. Сяхоу Юань был втайне доволен, поэтому, когда Ся Чжаньци начал придирается, он впервые вступился за сына. Нин Цзэ не разочаровал его: вскоре отец заметил, что даже мелкие интриги сын плетет весьма искусно и живо, что не могло не вызывать симпатию.

Однако это довольство испарилось сегодня утром.

Глядя на слуг, он вспоминал их слова, и в нем закипал гнев, пробуждая ту самую ауру адского воителя, от которой у людей кровь стыла в жилах. Слуги, перепуганные до смерти, дрожали, словно птенцы под ястребом.

Пф... Нин Цзэ не сдержался и прыснул. Ничего не поделаешь, ведь старик Лю, стремясь сохранить контроль, подбирал в слуги только трусов и подхалимов. Они подчинялись не из верности, а из страха перед силой.

Конечно, этот смех привел Сяхоу Юаня в ярость. Мало того, что пришел поздно, так еще и паясничает! Смотри, как бы отец не применил к тебе армейский устав!

Заметив, что гнев отца поутих, Нин Цзэ осторожно подошел ближе. Сяхоу Юань бросил на него короткий взгляд, но ругать не стал.

— Начни ты. Повторяй. Не скажешь правду — получишь пятьдесят палок и вон из поместья.

Сяхоу Юань указал на слугу с самого края. Тот был недалеким парнем из кухни, обычно разносившим еду. Нин Цзэ знал его имя — Чжан Цзянь. В памяти Ся Мугэ этот человек оставил глубокий след: один из верных псов старика Лю!

Стоило Сяхоу Юаню указать на него, как Чжан Цзянь едва не лишился чувств, но тут же, запинаясь, выдал заученную ложь:

— Каждый раз, когда я приношу еду, наследник без всякой причины швыряет ее обратно и требует переделать. Обычно приходится готовить по несколько раз, прежде чем он соизволит поесть. Все мои слова — чистая правда, многие это видели! Прошу господина князя быть справедливым!

Чжан Цзянь с силой ударился головой о пол, дрожа всем телом.

— Это правда? — Сяхоу Юань, явно разгневанный, повернулся к Нин Цзэ.

Конечно, это была правда — ведь каждый раз, когда этот слуга приносил еду, она была либо намеренно испорченной, либо состояла из обглоданных костей. У Ся Мугэ не было денег лишь потому, что старик Лю бессовестно обкрадывал его, вынуждая покупать объедки у других слуг за огромные суммы!

Нин Цзэ посмотрел на Чжан Цзяня, и его глаза на мгновение стали холодными как лед. Не ответив отцу, он спросил:

— Если его ударят пятьдесят раз, он умрет?

— Нет, максимум станет калекой, — Сяхоу Юань нахмурился. У него было хорошее впечатление о сыне, но эти люди выставили его каким-то развратным, капризным и злым чудовищем! Неужели он действительно совершил все эти ужасные вещи?

Нин Цзэ обрел уверенность и холодно произнес:

— Кто велел тебе так говорить? Если не скажешь — получишь пятьдесят палок и будешь изгнан из поместья. Это твой единственный шанс.

— Наследник, нельзя! — Управляющий Лю немедленно выступил вперед. Он уже пришел в себя и, казалось, забыл о своем позорном падении. Теперь он изображал праведный гнев: — Вы хотите выбить признание силой? Прошу, подумайте о репутации поместья, не совершайте таких жестоких и несправедливых поступков!

Ого! Нин Цзэ приподнял бровь. За два дня старик явно поднаторел в актерском мастерстве!

Насладившись глупостью врага, Нин Цзэ усмехнулся:

— Я даже не могу выйти за ворота поместья, как же я могу повлиять на его репутацию? Управляющий Лю, я сейчас разбираюсь со слугой. Ты уступишь или нет?

Управляющий Лю перепугался до смерти. Он не ожидал, что Нин Цзэ осмелится говорить так прямо. Заметив, что княгиня Каннин и Ся Чжаньци сидят с невозмутимым видом, он покрылся холодным потом.

— Чжан Цзянь, говоришь или нет?!

— Господин князь! Я невиновен! Я сказал чистую правду, умоляю о милости...

Чжан Цзянь понял, что Нин Цзэ его не пощадит, и обратился к Сяхоу Юаню. Он надеялся, что если генерал не станет рубить с плеча, то во всем разберется, и тогда Нин Цзэ окажется в ловушке: его будут считать невыносимым, и отец возненавидит его еще больше.

— Отец... — Нин Цзэ посмотрел на Сяхоу Юаня с мольбой в глазах. Если отец не защитит его сейчас, ему придется бежать из этого опасного места, ведь Сяхоу Юань был его единственной опорой.

Сяхоу Юань пристально смотрел на него, и в его глазах боролись разные чувства. Наконец, он взмахнул рукой, и двое стражников тут же выволокли Чжан Цзяня прочь.

Остальные слуги, услышав жалкие вопли, затряслись от ужаса.

Глаза Нин Цзэ, полные печали, внезапно прояснились и засияли. Он чувствовал, что этот отец — просто невероятен!

Слава богу, слава отцу, слава этим идиотам, решившим, что их план безупречен. Неужели они думали, что, договорившись о показаниях, смогут обмануть Сяхоу Юаня?

Нин Цзэ готов был послать отцу воздушный поцелуй, но обстановка не позволяла.

Сяхоу Юань думал о гораздо большем. То, что Нин Цзэ так обрадовался простому наказанию одного слуги, заставило его представить, в каких условиях сын жил раньше. Сопоставив слова слуг с тем, что Нин Цзэ даже не мог войти в собственный дом, генерал пришел в ярость.

Наследник, который не мог даже переступить порог?! Неудивительно, что он не возвращался! Сяхоу Юань был в бешенстве. Он сражался на поле боя, а его сына дома травили какие-то ничтожные слуги? Кто дал им такую смелость?!

Сяхоу Юань бесстрастно обвел взглядом остальных троих — княгиню Каннин, Ся Чжаньци и Лянь Юй. Он не мог поверить, что Лянь Юй оставалась в стороне. Он думал, что слова сына о желании заставить кое-кого понервничать — лишь детские игры, но сегодня все слуги в один голос очернили Ся Мугэ, и никто, включая родную мать, не заступился за него. Как можно было вчера так спокойно смеяться над этим, будто это была шутка?

— Твоя очередь. — Сяхоу Юань указал на женщину средних лет по имени Ли-сао.

Она была прислужницей, отвечавшей за стирку, и всегда искала выгоду. Однажды она случайно испортила одежду Ся Мугэ, и управляющий Лю, увидев, что это сходит с рук, стал поощрять ее. С тех пор она либо «забывала» постирать его вещи, либо портила их, получая награду от Лю.

Когда Чжан Цзяня уволокли, она едва не сошла с ума от страха. Она поверила словам управляющего Лю, что князь ненавидит Ся Мугэ настолько, что не хочет видеть его дома. Старик ее подставил!

Ли-сао зарыдала, проклиная управляющего Лю:

— Господин князь, помилуйте! Меня обманул управляющий Лю! Он сказал, что вы хотите изгнать наследника, поэтому велел мне так говорить! Это не моя вина, умоляю, пощадите!

Э-э... вот так просто? Нин Цзэ был ошарашен.

Управляющий Лю позеленел от ярости. Он не ожидал, что женщина, которой он столько платил, так быстро его предаст!

— Ты лжешь! Господин, не слушайте ее!

— Господин! Меня тоже заставил управляющий Лю, он грозил мне расправой! — подхватил другой слуга, заливаясь слезами.

— Господин, он угрожал продать мою дочь, у меня не было выбора!

— Господин, меня тоже принуждали!

Сяхоу Юань, несмотря на всю свою выдержку, был в ярости. Этот спектакль открыл ему глаза на многое!

— Лю Юйфу! Как ты смеешь! — прогремел голос генерала. Все в зале вздрогнули.

Управляющий Лю рухнул на колени, рыдая:

— Господин, у меня бы и в мыслях не было клеветать на наследника! Я невиновен, прошу, будьте справедливы!

Нин Цзэ почувствовал отвращение. Старик совершил столько зла, а теперь смеет прикидываться невиновным! Даже если он не виноват в чем-то конкретном, Нин Цзэ был намерен прижать его к ногтю.

— Отец, может, стоит позвать стражников, которые дежурили пару дней назад, или просто спросить у горожан? — Свидетельства посторонних людей были самыми убедительными.

Сяхоу Юань уже вынес приговор управляющему, но раз сын просит — пусть будет так. Стражников привели. Увидев обстановку, те упали на колени, не смея поднять глаз.

Нин Цзэ посмотрел на того, кто когда-то ранил его:

— Рассказывай, что произошло в тот день. Подробно. Если не сможешь — я расскажу сам.

Если бы рассказывать пришлось Нин Цзэ, стражника наверняка бы казнили. Нин Цзэ давал ему шанс выжить.

Стражник, который с того самого дня жил в страхе, не посмел лгать. Он детально описал события, не прося о пощаде, и после рассказа снова ударился головой о пол, ожидая приговора.

Нин Цзэ почувствовал странное спокойствие. Благодаря словам стражника все унижения Ся Мугэ наконец вышли наружу. В этом поместье не было ни одного чистого человека.

Их подлость, их равнодушие, их жестокость — вот из чего состояли десять лет жизни Ся Мугэ. Ребенок, который терпел издевательства, веря в слова матери: «Просто дождись отца, и все наладится». Он ждал, ждал, и в итоге дождался лишь невинных убийств.

Сяхоу Юань еще никогда не был так разъярен. Даже когда на него нападали враги, он сражался десять лет, но сейчас, когда жертвой стал его сын, как он мог простить этих людей?!

— Всех в темницу! Никого не выпускать! — Сяхоу Юань, разгневанный за сына, приказал арестовать пятьдесят человек. По поместью разнесся плач, словно всех их ждала казнь.

— Допросить! Выяснить, что они творили и кто ими руководил! — Сяхоу Юань бросил холодный взгляд на княгиню Каннин, Ся Чжаньци и Лянь Юй. Даже лицо Лянь Юй, застывшее в нерешительности, показалось ему чужим.

— Переезжай ко мне, — сказал он, почти не колеблясь.

Нин Цзэ был потрясен. Погодите, все шло отлично, но что это за «переезжай ко мне»?! Нет-нет, Сяхоу Юань не имел в виду ничего предосудительного, в его глазах была лишь отцовская забота. Но Нин Цзэ не считал его своим настоящим отцом, максимум — приемным! Да даже если бы и настоящим, разве взрослые дети живут с родителями?

— Нет, я буду жить один, — твердо отказался Нин Цзэ, внутренне содрогаясь: «Нет, хороший человек, давай проживем вместе, когда между нами не будет кровного родства».

— Тогда я пришлю тебе слуг, — Сяхоу Юань тут же согласился. Он не стал настаивать, он просто хотел защитить сына.

— Спасибо, отец. — Нин Цзэ вдруг почувствовал, что будущее выглядит не слишком радужно. Все из-за того, что у него нет пары. Теперь, когда часть обвинений снята, а приспешники устранены, остались лишь главные кукловоды. Можно было немного расслабиться, начать жить в свое удовольствие!

Решено!

— Господин князь, — в зал вошел стражник, а за ним следовали две прекрасные девушки. Одна в ярких одеждах, другая — чистая, как лунный свет.

— Господин, — они слегка поклонились. Одной была принцесса Сюэчжао, на лице которой сияла озорная улыбка. Другая, в белоснежном одеянии, с длинными волосами и вуалью на лице, смотрела на него глазами, подобными осенним водам. Увидев ошеломленного Нин Цзэ, она слегка улыбнулась уголками глаз, словно приглашая отведать сладкого вина.

Нин Цзэ невольно сглотнул. А потом:

«Черт возьми!! Меня соблазнили?! Но ведь мне нравятся парни!! Неужели я настолько изголодался, что перестал различать пол?! Моя ориентация, очнись!!»

Нин Цзэ уставился на принцессу Тяньюэ, и от него повеяло холодом.

Старшая сестра наследного принца, принцесса государства Тяньсуй, с детства была известна своей красотой. В тринадцать лет она надела вуаль, заявив, что ее лицо увидит лишь ее будущий муж. Сейчас ей девятнадцать, и император Гуаньюань отклонил бесчисленное количество предложений о браке, чтобы внезапно выдать ее за Ся Мугэ, чья репутация была крайне сомнительной.

Люди любят красоту, но ненавидят, когда прекрасный цветок достается навозной куче.

Лоу Уюэ, почувствовав холод Нин Цзэ, насмешливо прищурилась.

В планах Нин Цзэ не было развлечения принцессы. Весь мир считал, что ему несказанно повезло, и жалел принцессу. Нин Цзэ же считал, что он — самая большая жертва: как строить любовь, если пол не совпадает?

— Вы двое, проводите принцесс, — наконец подала голос княгиня Каннин. Ся Чжаньци тут же был увлечен энергичной принцессой Сюэчжао. Нин Цзэ остался один на один с принцессой Тяньюэ. Вздохнув, он по-джентльменски пригласил ее прогуляться.

Как только они вышли, за ними увязались четверо стражников.

Они гуляли по саду. Он — галантный юноша, она — небесная красавица. Вокруг было тихо, как в сказке. Нин Цзэ никогда не ходил на свидания, и светские беседы были не его коньком. Неужели придется играть по сценарию, произнося витиеватые фразы?

Вдалеке раздавался звонкий смех принцессы Сюэчжао. Она была похожа на яркую бабочку.

— Осторожно.

Нин Цзэ вдруг врезался во что-то теплое. Его нос коснулся нежного аромата, напоминающего лунный свет. Он поднял голову и замер.

Стоп, почему это она его обнимает? Что происходит? Он посмотрел вниз: оказывается, край его одежды зацепился за колючку. Нин Цзэ помрачнел. Этот штамп, этот типичный момент из любовных романов... Принцесса Тяньюэ, ты уверена, что с нами всё в порядке?!

Лоу Уюэ прижалась к нему, почти заключая в объятия, освободила край одежды и посмотрела на него сверху вниз. Нин Цзэ заметил, что она выше его. Даже для жителей Тяньсуй это было

редкостью. Взгляд Нин Цзэ невольно опустился на грудь принцессы. Кажется, она немного плоская...

— Хочешь проверить? — раздался тихий, насмешливый голос с нотками соблазна.

Нин Цзэ подумал, что предложение неплохое. Кто не любит проверять свои подозрения? Он поднял руку, чтобы коснуться ее груди, решив: если принцесса окажется мужчиной — он его избьет, если женщиной — сбежит. Жизнь как хождение по канату, без риска никак.

Но как только его рука почти коснулась ее, она была перехвачена. Пальцы принцессы были длинными, а ладонь — грубоватой. Она сжала его руку, и жесткая кожа слегка пощекотала его ладонь.

«Ты выдала себя!» — Нин Цзэ прищурился. Ударить ее в левую щеку, в правую или сразу обе?

Бровь Лоу Уюэ дернулась. Она не ожидала, что Нин Цзэ действительно решится на это. Среди знатных юношей Тяньсуй вряд ли нашелся бы еще один такой безумец, который осмелился бы оскорбить принцессу при первой встрече. Этот парень совершенно не следовал правилам.

— Ты...

— Брат, мать прислала угощение для принцесс, оно в беседке, — Ся Чжаньци, увидев их близость, закипел от гнева. Он надеялся, что принцесса Тяньюэ устроит скандал и расторгнет помолвку, а они уже держатся за руки! Она что, ослепла?!

Нин Цзэ немедленно отстранился от принцессы и равнодушно сказал:

— Тогда пойдемте, принцесса.

Тепло, которое только что исходило от нее, исчезло, как порыв ветра. Ее прекрасные глаза на мгновение сузились, но тут же вновь стали спокойными. Они пошли к беседке, каждый со своими мыслями. Принцесса Сюэчжао уже бесцеремонно выбирала фрукты на столе. Увидев Ся Чжаньци, она ярко улыбнулась, а заметив Нин Цзэ, поморщилась и отвернулась.

— Сестренка, иди сюда, наложница приготовила нам много всего! — позвала она Лоу Уюэ.

От слова «сестренка» Нин Цзэ усмехнулся. Он взглянул на фрукты. За несколько дней в этом мире он почти не видел фруктов, на рынке они были редкостью и совсем не такими свежими, как эти. Видимо, здесь фрукты — предмет роскоши. Нин Цзэ задумался о возможности заработка на этом...

Когда они сели, атмосфера стала странной. Принцесса Сюэчжао раздавала фрукты всем, кроме

Нин Цзэ. В конце концов, она с пренебрежением бросила ему гроздь винограда, словно подачку.

Нин Цзэ сдержал желание врезать ей, встал и отодвинул стул.

— Ешьте, а я пойду.

Развернувшись, он ушел.

Принцесса Сюэчжао едва не раздавила виноград в кулаке. Нин Цзэ, уходя, с усмешкой бросил на нее насмешливый взгляд.

<http://bllate.org/book/22533/2379808>